

*Р.С. Авилов,
студент 4-го курса,
Института истории, философии и культуры ДВГУ*

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕГУЛЯРНОЙ КАВАЛЕРИИ НА ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ РОССИИ ИЛИ 34 ГОДА НА ГРАНИЦЕ (1869 – 1903 ГГ.)

Роль военных в освоении Дальнего Востока России огромна и неоспорима. Придя на эту территорию, они одновременно и охраняли, и осваивали её. В то же время в исторической литературе практически нет исследований по истории создания и службе отдельных частей или соединений, не анализируется, в каких исторических условиях и с какой целью они создавались, почему размещались в тех или иных местах, каково было их назначение, какие перед ними ставились задачи.

Вопрос этот имеет большое значение для анализа процессов эволюции российской армии во второй половине XIX – начале XX в. В этой связи особый интерес вызывает история формирования регулярной кавалерии на «восточной окраине империи». Процесс растянулся во времени и имел ряд существенных особенностей.

К 1868 г. на территории Приамурского края находились как регулярные войска, представленные в основном Восточно-Сибирскими линейными батальонами (№№ 1–6) и небольшим количеством артиллерии, так и казаки Амурского казачьего войска в составе Амурской конной казачьей бригады (1-й и 2-й Амурские конные казачьи полки), а также Амурского и Уссурийского казачьих пеших батальонов. Линейные батальоны были размещены в наиболее важных, стратегических по своему положению пунктах нового края. При практически полном отсутствии населения, они использовались больше не как военная, а как рабочая сила: помогали строиться переселенцам, прокладывали дороги и телеграф, участвовали в топографических съемках и т.д. [11, с. 201–203].

Основными же обязанностями казаков были: «содержание сообщения по Амуру», «почтовое сообщение», «охранение границы» и «отправление службы... по особому повелению и назначению начальства, в Амурской и Приморской области и вне ее пределов». Следует отметить, что при обязательном выполнении двух первых задач, решение остальных уже являлось делом весьма сложным. Кроме того, на казаков были возложены и различные хозяйственные задачи, например, обязательная заготовка дров [13, с. 126, 138].

В 1868 г. в Южно-Уссурийском крае произошел военный конфликт с выходцами из Китая, получивший впоследствии название «Манзовская война». В ходе этого столкновения и проявился достаточно низкий уровень боеспособности Восточно-Сибирских линейных батальонов, не занимавшихся

систематической боевой подготовкой, недостаток артиллерии и невозможность быстрой переброски пехотных частей к месту боев из-за их рассредоточенности и практически полного отсутствия в крае дорог.

Казаки, как военные формирования, в то время ещё не представляли сколько-нибудь серьёзной силы. Более того, даже в 1912 г. в «Военно-географическом и статистическом обзоре...», составленном офицерами генерального штаба о казачьей войске в Южно-Уссурийском крае говорилось: Населённые пункты, разобщённые, большей частью, крайне пересечённой или болотистой местностью и бездорожьём, разбросаны... в Уссурийском (войске. – *Р.А.*) – до 11 с лишним вёрст один от другого. ... В виду этого, при малочисленности выставляемых Амурским и Уссурийским войсками строевых частей, *не представляется возможным смотреть на них, как на надёжный оплот русской границы с Маньчжурией** [22, с. 16].

Сложившаяся ситуация настоятельно требовала присутствия в Южно-Уссурийском крае высокоподвижного, находящегося в постоянной боевой готовности конного соединения, в задачи которого входило бы патрулирование границы, особенно в тех местах, где казачье население вообще отсутствовало или было малочисленным; сопровождение и обеспечение безопасности переселяющихся на новые места жительства казаков и крестьян-переселенцев; оперативная борьба с бандами хунхузов, вторгавшимися на российскую территорию, грабившими и терроризировавшими население.

После «манзовской войны» 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков разработал комплекс мер по обеспечению безопасности региона, представленный на рассмотрение в столице летом 1868 г. Среди них значилось и «обеспечение границ Южно-Уссурийского края от внешних вторжений, через образование для того особого пограничного конного дивизиона». Эта мера оказалась одной из немногих, дозволенных центральной властью к исполнению до получения результатов работы комиссии под председательством генерал-адъютанта Сколкова, командированной в 1869 г. по Высочайшему повелению на два года на Амур [28, с. 127–128].

Действительно, создание такой воинской части казалось наиболее простым и быстрым, не требующим больших финансовых затрат выходом из сложившейся ситуации, так как кардинальное изменение дислокации имевшихся на Дальнем Востоке войск было невозможно как по стратегическим соображениям, так и из-за их чрезвычайно малого количества. Улучшить же транспортную инфраструктуру в ближайшие годы, если не десятилетия, имевшимися силами не представлялось возможным.

В итоге, 24 мая 1869 г., «Государь император... высочайше повелеть соизволил: ... Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать Уссурийскую казачью конную сотню...» Численность сотни согласно временным штатам 1869 г. определялась в четыре штаб и обер-офицера, 145 строевых и 18 нестроевых нижних чинов, а также лошадей: строевых 131, подъёмных – 12. Командира сотни и офицеров предполагалось «назначить по представлению командующего войсками округа». Назначение

* Здесь и далее – выделено автором. В цитатах сохранена орфография и пунктуация документов.

же медицинских чинов и оружейного мастера производилось из столицы по линии соответствующих главных управлений – военно-медицинского и артиллерийского. Кроме того, главное интендантское, артиллерийское и военно-медицинское управления должны были обеспечить «снабжение сотни обозом, обмундированием, снаряжением и вооружением, а так же лазаретными вещами, хирургическими инструментами и аптечными припасами», приобретение которых на месте было крайне затруднительно [14, с. 176 – 177].

Необходимо отметить, что так как это «Высочайшее повеление» было объявлено в приказе № 203 по военному ведомству только спустя два дня – 26 мая (а Сенату вообще – только 20 октября), то дату рождения Уссурийской казачьей конной сотни указывают по разному: кто 24 мая, кто 26 мая 1869 г. Эта путаница наблюдается даже в «Справочных книжках Императорской главной квартиры» [20, с. 90; 21, с. 311].

В повелении говорилось: «Сформирование сотни произвести по распоряжению командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа, предоставив ему вызвать для того охотников из Амурского и Забайкальского казачьих войск, и назначить потребное, по его усмотрению, число строевых и нестроевых чинов из Восточно-Сибирских линейных батальонов», что давало возможность: во-первых, сформировать личный состав сотни из людей, уже знакомых со специфическими условиями службы в Южно-Уссурийском крае, во-вторых, значительно сократить время её создания. Можно предположить, что пункт о привлечении охотников из линейных батальонов внесли именно потому, что руководство прекрасно понимало: собрать на территории Южно-Уссурийского края почти 150 человек личного состава для формирования сотни только из казаков практически невозможно. Таким образом, для формирования «казацкой» сотни были привлечены чины не только иррегулярных, но и регулярных войск.

Приказом по военному ведомству 1865 г. жалованья всем чинам сотни назначались «усиленные, определенные для чинов регулярной армейской кавалерии». Поэтому годовой оклад жалованья командира сотни составил 660 руб., есаула – 549 руб., а каждого из двух сотников – 468 руб. Нижние чины получали намного меньше: старший урядник – 36 руб., младшие урядники – 9 руб. 30 коп., а рядовой казак – 6 руб. 60 коп. в год, в то время как годовые оклады фельдшера и оружейного мастера определялись в 64 руб. 80 коп. и 55 руб. 65 коп. соответственно. Кроме того, личному составу Уссурийской казачьей конной сотни, «наравне с прочими чинами войск Приморской области, производить порционные деньги, согласно приказа по военному ведомству 1867 г., а именно: штаб-офицерам по 36 руб., обер-офицерам – по 18 руб. в месяц, и как офицерам, так и врачу провиант, лично по одному пайку каждому. Нижним же чинам, как строевым, так и нестроевым, кроме провианта по положению, отпускать и приварочные деньги по 24 руб. в год на человека».

Обмундирование сотне предполагалось присвоить «...сходное с Уссурийским пешим батальоном (Амурского казачьего войска. – Р.А.), но с теми различиями, какие существуют в нынешнем обмундировании пеших и конных частей Амурского казачьего войска, и просечкой на погонах лит. У», а «лазарет при сотне содержать, применяясь к норме, определенной для

постовых команд, а именно, полагая по 1 кровати на 20 человек нижних чинов, на 8 кроватей» для всей сотни. Примечательно, что «нормальную таблицу обмундирования и снаряжения предметами интендантского ведомства вновь сформированной Уссурийской казачьей конной сотни», разработанную Главным интендантским управлением, Военный совет утвердил только через четыре года после начала формирования сотни – 21 февраля 1873 г.

Еще одной отличительной чертой этого подразделения была максимальная адаптация к условиям дальневосточной службы: даже обоз допускалось иметь «...не форменный, но приспособленный к местным условиям края, с тем однако же, чтобы число подъемных лошадей не было увеличиваемо против штата», т.е. не более 10 в мирное время и 12 – в военное, да и самих лошадей сочли необходимым приобрести на месте «...по распоряжению командующего войсками в округе, отпустив для этого из интендантства на каждую строевую лошадь по 50 руб., а на подъемную по 28 руб. 60 коп.» [14, с. 176–179].

Обращает на себя внимание тот факт, что Уссурийская казачья конная сотня после своего создания хотя формально и была прикомандирована к Амурскому казачьему войску и подчинялась Главному управлению иррегулярных войск Военного министерства [21; с. 311], но по своему характеру и составу была максимально приближена к регулярным войскам, что, во-первых, позволяло ей выполнять задачи, ставившиеся обычно именно перед регулярными кавалерийскими частями, и, во-вторых, в перспективе облегчило задачу постепенного преобразования сотни в регулярную часть.

Для того, чтобы как-то привлечь на службу в сотню офицеров, которых катастрофически не хватало на Дальнем Востоке, 16 декабря 1875 г. «сокращенный срок службы на пенсию, установленный для офицеров Амурского казачьего войска» был распространен и на офицеров Уссурийской казачьей конной сотни как служащих в ней, так и поступавших на службу. При этом они имели возможность пользоваться «сим правом до тех лишь пор, пока означенная казачья сотня будет состоять на службе в Южно-Уссурийском крае» [15, с. 179]. Не хватало и младшего командного состава, отрицательно относившегося к переводу из Европейской России и даже Центральной Сибири на восточные окраины. Это отражалось и на Уссурийской казачьей конной сотне, в которой, как и в других расположенных на территории Приамурья и Приморья воинских частях, старались привлечь младший офицерский состав на сверхсрочную службу. Так, 4 апреля 1878 г. «Военный совет, рассмотрев представление главного штаба о назначении добавочного жалования за сверхсрочную службу урядникам Уссурийской казачьей конной сотни, положил: разрешить производство добавочного жалования за сверхсрочную службу одному старшему уряднику Уссурийской казачьей конной сотни в размере 84 руб. в год и 4 младшим урядникам той же сотни в размере по 60 руб. в год каждому» [15, с. 292–293].

22 марта 1879 г. было Высочайше утверждено «мнение Государственного Совета о мерах к улучшению быта Амурского казачьего войска», которое предусматривало переселение части казаков Уссурийского пешего батальона с регулярно затапливаемых мест, где они были расселены по приказу начальства, на новые территории. К самому переселению приступили в том же году. Всего в Южно-Уссурийский край предполагалось переселить

390 семей казаков. В то же время встал вопрос обеспечения безопасности этого мероприятия, ведь переселяемые казаки с перевозимым имуществом и перегоняемым скотом могли стать прекрасной мишенью для хунхузов. Для обеспечения безопасности производимого переселения от Уссурийской казачьей конной сотни был назначен «отряд в составе 20 конных казаков, коему и было предписано совершать усиленные разъезды по манчжурской границе в течении всего 1879 года». Всего под прикрытием этого отряда в край переселилась 391 казачья семья, образовав 10 поселков [24, с. 26–27].

Долгое время 1-я Уссурийская казачья конная сотня, располагавшаяся в п. Камень-Рыболов вместе с 3-м Восточно-Сибирским линейным батальоном, роты которого были дислоцированы в п. Камень-Рыболов и в с. Никольском, составляли ядро военных сил России, охранявших обширную территорию Южно-Уссурийского края к западу и юго-западу от оз. Ханка.

Условия службы сотни, решаемые ею задачи, настоятельно требовали повышения статуса её командира, поэтому 29 августа 1880 г. было решено Высочайше утвержденным положением Военного совета «командиру Уссурийской казачьей конной сотни присвоить, в дисциплинарном и хозяйственном отношении, права командира отдельного запасного эскадрона», что и было объявлено в приказе по военному ведомству от 10 сентября 1880 г. за № 263 [15, с. 382]. Это делало командира сотни более независимым и позволяло решать многие вопросы службы самостоятельно.

К 1880 г. отношения России и Китая из-за Кульджинского вопроса обострились до предела – обе страны стали наращивать вооружения и готовиться к войне. Положение в Кульджинском (Илийском) крае начало оказывать влияние на обстановку на Дальнем Востоке. По этой причине в 1880 г. в Южно-Уссурийский край были отправлены две сотни забайкальских казаков. Генерал Тихменев, осматривавший в октябре этого года войска Южно-Уссурийского края, находил, что «одна Уссурийская и две Забайкальские конные сотни положительно не могли прикрывать даже слабым кордоном границу пятисотверстного протяжения, постоянно прорываемую разбойничьими шайками хунхузов», а командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа генерал Анучин «возбудил ходатайство» о формировании 2-й Уссурийской конной сотни, либо присылке в указанный район еще одной сотни Забайкальского казачьего войска [12, с. 210].

23 октября 1880 г. было принято решение о формировании «в помощь Амурскому казачьему войску, из охотников Восточно-Сибирских линейных батальонов», – 2-й Уссурийской казачьей конной сотни. Она формировалась уже полностью из солдат регулярных войск [20, с. 90; 21, с. 312]. 6 января 1881 г. «Государь император... высочайше соизволил Уссурийскую конную казачью сотню, комплектуемую нижними чинами по общему Уставу о воинской повинности, впредь именовать «Уссурийской конной сотней» и изъять из ведения Главного управления казачьих войск», о чем и было сообщено в приказе по военному ведомству от 19 января 1881 г. за № 12 [16, с. 5]. Одновременно и 2-я Уссурийская казачья конная сотня была переименована во «2-ю Уссурийскую конную сотню» и также отчислена от Амурского казачьего войска [20, с. 90; 21, с. 312]. Для общего заведования сотнями (как Уссурийскими, так и Забайкальскими) в Южно-Уссурийском крае был назначен особый штаб-офицер с правами командира полка, а в

случае военной необходимости предполагалось разворачивать сотни в дивизион [12, с. 207].

Таким образом, в январе 1881 г. 1-я Уссурийская казачья конная сотня не только изменила название, но и *de ure* перестала быть прикомандированной к казачьим войскам, причем аналогичным образом поступили и с только что сформированной 2-й Уссурийской казачьей конной сотней. Примечательно, что при этом было сохранено наименование «сотня», характерное для казачьих частей. Это были первые регулярные кавалерийские подразделения на территории будущего Приамурского военного округа. Необходимо подчеркнуть, что 1-я Уссурийская казачья конная сотня за 12 лет своего существования официально так и не входила в состав ни одного казачьего войска, будучи лишь прикомандированной к Амурскому казачьему войску.

14 июля 1884 г. было создано Приамурское генерал-губернаторство. Его территория одновременно являлась и территорией нового Приамурского военного округа. При этом обе Уссурийские конные сотни перешли в подчинение генерал-адъютанта барона А.Н. Корфа – командующего войсками округа и Приамурского генерал-губернатора. В то время их содержание обходилось казне ежегодно до 100000 рублей [24, с. 28].

Военная служба конных сотен была неразрывно связана с судьбой края. Пример этого – события, происходившие на Дальнем Востоке России в 1885–1887 гг. Генерального штаба подполковник А.Ф. Рагоза, служивший в 1888–1891 гг. в Приамурском военном округе, так описывал происходившие тогда события: «По прибытии в край новому Генерал-Губернатору и командующему войсками на первых же порах пришлось, помимо своего желания, сразу стать лицом к вопросу до сих пор ещё ни кем нетронутому – вопросу о боевой готовности края. Поводом к этому послужили политические осложнения с Англией, обострившиеся в начале 1885 года, неожиданным, но всех поразившим, делом при Кушке; следовало ожидать разрыва с Англией... Вместе с тем у нас было еще другое, не менее серьезное, дело – пересмотра границы Южно-Уссурийского края с Маньчжурией, возбужденное китайцами по поводу Савеловки и грозившее нам крупными недоразумениями, тем более, что в приграничных с нами местностях Маньчжурии шла энергичная работа по усилению войск, по заготовке для них провианта и по постройке новых крепостей. Всё это ставило нас в весьма тяжелое положение. Необходимо было приготовиться на сколько это было возможно» [28, с. 141–142].

Согласно «квартирному росписанию войск Приамурского военного округа к 1-му июля 1885 года» официальным местом квартирования «заведующего конными сотнями, расположенными в Южно-Уссурийском крае», было урочище Атамановское, хотя сам заведующий временно находился в п. Раздольном.

1-я Уссурийская конная сотня была разделена на две полусотни. Местом квартирования первой полусотни было урочище Атамановское. Там же, в «росписании» указывалось, что «от 1-й полусотни содержатся караулы Молодецкий и Коммисаровский», а «от 2-й полусотни содержатся *пограничные караулы* Утесный, Ушагоуский и Надеждинский», тогда как местом квартирования самой полусотни был «кар. Полтавский». Ур. Атамановское, располагавшееся в центре большого лесного массива, фактически являлось центром позиции, прикрывавшей границу западнее оз. Ханка. (См. схема 1).

От урочища на север шла дорога к Коммисаровскому посту, от которого, в свою очередь, дороги, более напоминавшие тропы, вели практически ко всем населенным пунктам на западном берегу озера, начиная от п. Турий Рог, до с. Троицкого и далее, до Камень-Рыболова. На юг от Атамановского шли дороги к посту Молодецкому, от которого они «разбегались» на юг и на восток – в центр Южно-Уссурийского края.

Схема 1. Северо-западная часть Южно-Уссурийского края с указанием мест дислокации 1-й Уссурийской конной сотни (на основе карты из книги: Пржевальский М.Н. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1868 г. Спб., 1870 г.)

Таким образом, долины рек Сиянь-хэ (ныне р. Комиссаровка) и Мо (ныне р. Мельгуновка), тянущиеся от российско-китайской границы к побережью оз. Ханка и на Приханкайскую низменность, контролировались Коммисаровским и Молодецким постами соответственно. В случае нападения 1-я полусотня могла ожидать подкрепления из п. Камень-Рыболов, где дислоцировались 5-я сотня 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска и первоочередная сотня Уссурийского пешего батальона, тогда ещё Амурского казачьего войска [1, л. 86 (об.)].

2-я полусотня прикрывала обширную и удобную для наступления долину р. Суйфун (ныне р. Раздольная), по которой через территорию Полтавского

караула лежал удобный путь из Китая на с. Никольское (ныне г. Уссурийск), бывшее в то время не только одним из важнейших сельскохозяйственных центров Южно-Уссурийского края, но и его основным транспортным узлом. На стратегическую важность этого направления указывает то, что кроме 2-й полусотни 1-й Уссурийской конной сотни в кар. Полтавский должна была находиться и 3-я сотня 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска, которая согласно «рописанию», на тот момент числилась «временно в с. Никольском». В Никольском располагались 3-й и 4-й Восточно-Сибирские стрелковые батальоны, входившие в состав 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, и само управление бригады. Там же находилась 2-я батарея (с горным дивизионом) Восточно-Сибирской артиллерийской бригады и продовольственный магазин 1-го класса.

В целом, такая дислокация 1-й Уссурийской конной сотни позволяла контролировать границу на участке от оз. Ханка до р. Суйфун и частично южнее – вдоль р. Ушагоу (Хубту, ныне р. Гранитная).

Местом квартирования 2-й Уссурийской конной сотни было ур. Новокиевское (ныне пос. Краскино), расположенное на берегу б. Экспедиции зал. Посьета на крайнем юге Южно-Уссурийского края. (См. схема 2.) При этом сотня содержала караулы и отряды в «дер. Ханци, Савеловке, Крас[ном] селе, Хунчунском и Фаташинском караулах», то есть контролировала практически все важнейшие пункты в этом районе [1, л. 85–87].

Район зал. Посьета был постоянной проблемой для российского военного командования на Дальнем Востоке, поэтому здесь постоянно располагалась одна из наиболее крупных группировок войск в Южно-Уссурийском крае и в Приамурском военном округе в целом. Считалось, что эта территория, частично изолированная от остальной части края, может легко подвергнуться нападению как с суши, так и с моря. В первом случае удар мог быть нанесен со стороны Маньчжурии вдоль древней дороги, ведущей от китайского г. Хунчун к б. Экспедиции. Во втором – ожидалась высадка английского десанта, причём на побережье десантоопасными считались многие бухты, начиная с б. Троицы на севере, кончая обширным зал. Гашкевича (зал. Чосонман) на севере Кореи [10, л. 27 (об.)].

Постоянные противоречия между Россией и Англией в «Восточном вопросе» делали подобный сценарий развития событий вполне реальным. В 70–80-е гг. XIX в. Владивосток неоднократно жил в ожидании войны с Англией. О степени серьёзности этих опасений говорит, например, тот факт, что «9-го апреля 1878 г. в городской думе рассматривался вопрос о пособии семействам, предназначенных к удалению из Владивостока на случай вторжения неприятеля», а «в 1884 г. Владивосток вновь был на военном положении, в виду ожидавшегося столкновения с Англией. По предложению губернатора и телеграмме генерал-губернатора» во Владивостоке даже приступили «к сооружению временных барачков в долине Первой речки», предназначенных для эвакуации населения [25, с. 75, 110–111].

Хунчунский караул, находившийся на расстоянии 21 версты от Новокиевского и 5 – от границы, контролировал дорогу, ведущую от г. Хунчун к б. Экспедиции, а затем, через д. Фаташи (ныне пос. Камышовый) и ур. Новокиевское, на п. Новгородский (ныне пос. Посьет). Фаташинский караул перекрывал альтернативный путь из долины р. Хунчун-хэ к б. Экспедиции:

Схема 2. Юго-западная часть Южно-Уссурийского края (на основе карты Южно-Уссурийского края и пограничных районов Северной Манчжурии и Северной Кореи, 1904 г.)

через горные перевалы, а затем вдоль по долине р. Фаташи. Отряд в д. Красное село, находившейся на берегу р. Тумень-дзянь (Туманган, ныне р. Туманная), перекрывал одну из лучших дорог на севере Кореи – старую Приморскую дорогу, которая шла вдоль восточного побережья Кореи и имела продолжение от зал. Гашкевича через Красное село, д. Подгорная и Ханци (ныне с. Маячное) на Новокиевское. Кроме того, караул в д. Ханци контролировал и ряд других дорог и троп, шедших с территории Кореи и Китая.

Отряд в д. Савеловка в 1885 г. не только контролировал дорогу, ведущую от корейского г. Кегунфу через д. Савеловка и д. Фаташи на Новокиевское, но и вместе с 1-й ротой 6-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона

выполнял своего рода «миротворческую миссию», так как в дополнение к российско-английским проблемам в 1882 г. и в российско-китайских отношениях произошло обострение, связанное с «Савеловским вопросом» (спор о части территории в районе зал. Посъета).

Главной задачей этих постов и караулов, кроме контроля границы и противодействия бандам хунхузов, было, в случае нападения крупных сил неприятеля, немедленно доложить о появлении противника и с боем отступить навстречу главным силам, дислоцировавшимся в ур. Новокиевском и в посту Новгородском. В то время в ур. Новокиевском располагалось бригадное управление 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, а также входившие в нее 5-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, 4-я рота 6-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона и 3-я горная батарея Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. В п. Новгородском, расположенном в нескольких верстах от Новокиевского, стояли 2-я и 3-я роты 6-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона и располагался продовольственный магазин 1-го класса.

В случае необходимости можно было ожидать подхода войск из урочищ Славянка (7-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон) и Барабаш (8-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон и 4-я батарея Восточно-Сибирской артиллерийской бригады), а также из района сёл Никольское, Раздольное и г. Владивостока [1, л. 85–87], хотя, в реальности, сделать это было не так просто, так как более или менее хороший «почтовый тележный тракт» был проложен от Раздольного на Новокиевское только к 1890 г. [19, с. 25–26].

Следующий 1886 г. в российско-китайских отношениях был достаточно напряженным. Хотя переговоры о границе и завершились подписанием еще 4 июля 1886 г. в ур. Новокиевском общего протокола, а в июне – сентябре и протоколов-описаний границ по участкам, однако на границе продолжалось наращивание сил ...

Согласно «квартирному росписанию войск... к 1-му сентября 1886 года...» 2-я полусотня 1-й Уссурийской конной сотни была выведена из с. Полтавки и вся сотня полностью сосредоточена в ур. Атамановском, выставляя по-прежнему караулы в п. Молодецкий и п. Коммисаровский. В то же время в Полтавку была целиком переброшена 3-я сотня № 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска.

В том же году 10 сентября из Владивостока в с. Никольское переводится 5-й Восточно-Сибирский линейный батальон, который «по Высочайшему повелению от 10 апреля» был в срочном порядке сформирован в Харьковском военном округе уже к 20 мая и затем спешно переброшен морем на Дальний Восток [3, л. 104, 125, 158].

Управление «заведующего конными сотнями расположенными в Южно-Уссурийском крае» было переведено из ур. Атамановского в ур. Барабаш, приблизившись тем самым к месту квартирования 2-й Уссурийской конной сотни, а сама сотня – полностью переброшена из ур. Новокиевского на наиболее угрожаемое направление – в п. Хунчунский. Она по-прежнему выставляла посты в Красном селе, Фаташи и Ханси (по данным на 1 сентября 1886 г.). В связи с решением «Савеловского вопроса», отряд российских войск, дислоцировавшийся в д. Савеловке, был выведен оттуда 1 июля

1886 г. В это время вместе с отрядом от 2-й Уссурийской конной сотни там нес службу и отряд от 5-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады [2, л. 34 (об.)].

Ранней весной следующего, 1887 г. ситуация все еще продолжала оставаться напряженной. 1-я рота 5-го Восточно-Сибирского линейного батальона уже дислоцировалась практически на границе: 1-я полурота несла службу в с. Астраханке, а 2-я – в п. Камень-Рыболов на побережье оз. Ханка. Одновременно с этим 1-я Уссурийская конная сотня начинает выставлять пост Тихменёвский (Турий Рог), находившийся на границе с Китаем. Только к концу 1887 г. ситуация на границе несколько разрядилась и стабилизировалась.

Таким образом, Уссурийские конные сотни были важной составной частью единой системы обороны Южно-Уссурийского края и располагались на наиболее проблемных участках границы. Действительно, только мобильная и хорошо обученная кавалерийская часть могла контролировать обширные пограничные территории, противостоять бандам хунзусов в мирное время, а в случае начала военных действий быстро оповестить об этом командование.

Постепенное наращивание войск в Приамурском военном округе приводило к переброске туда новых частей, переформированию или к переименованию уже имеющихся: «Государь император 30 апреля 1891 г. высочайше повелеть соизволил: переименовать 1-ю и 2-ю Уссурийские конные сотни в 1-ю и 2-ю Приморские таковые же» [17, с. 85]. Приказ же по войскам Приамурского военного округа за № 151, сообщавший об этом, был подписан только 20 августа 1891 г. [5, ч. I, л. 165]. Это было вызвано необходимостью избежать путаницы после преобразования 3 февраля 1890 г. Уссурийского пешего батальона Уссурийского казачьего войска в конный дивизион [17, с. 20–21].

17 июля 1891 г. «исправляющим должность заведывающего конными сотнями Южно-Уссурийского отдела» назначается подполковник Бернов, служивший до этого адъютантом командующего Приамурским военным округом генерал-адъютанта барона Корфа. В ур. Барабаш он сменил полковника Зборовского (приказ № 6 от 11 января 1891 г.) [5, ч. I, л. 8, 303; 9, л. 5].

В РГИА ДВ сохранился ряд документов, относящихся к 90-м гг. XIX в., позволяющих судить об условиях жизни и службе солдат и офицеров Уссурийских конных сотен. Необходимость нести службу «по охранению границы постоянными разъездами» при любой погоде и в любое время года, обязательная боевая подготовка, а также многочисленные хозяйственные работы сказывались на здоровье личного состава сотен. Как следствие, в ведомостях, составленных по Приамурскому военному округу, «о числе больных, умерших, бежавших и выключенных в неспособные нижних чинов», конные сотни достаточно часто «лидировали» по числу заболевших и умерших «относительно списочного числа» [5, ч. I, л. 127, 181, 217, 293].

Особой проблемой в регионе была и неблагоприятная эпидемиологическая ситуация. Соседство Китая с крайне слабой медициной и ветеринарией приводило к постоянному заносу болезней, смертельно опасных не только для людей, но и для животных, что постоянно вызывало различные

эпидемии и эпизоотии. В таких условиях кавалерийские части подвергались двойной опасности. Эпизоотия могла привести к гибели лошадей, превратив сотни в спешенную кавалерию, т.е. фактически в пехоту, сведя тем самым на нет все их преимущества и боевые качества.

П.Ф. Унтербергер, бывший в период с 1888 по 1897 гг. военным губернатором Приморской области, писал: «Манджурский скот мы получали в Южно-Уссурийском крае преимущественно через Хунчунский и Фаддеевский карантин, а корейский через Красносельский» [29, с. 164]. Так дело обстояло до начала строительства КВЖД, когда скот в Маньчжурии вздоржал, а в 1900 г. с началом военных действий в Китае его пригон в край совершенно прекратился [8, л. 25 (об.)]. Примечательно, что в двух из указанных пунктов – кар. Хунчунском и Красном селе – постоянно стояли отряды и караулы от 2-й Уссурийской конной сотни, а Фаддеевский карантин долгое время находился в «зоне ответственности» Полтавского караула 1-й Уссурийской конной сотни.

Естественно, подобное соседство не проходило бесследно. Так, например, в приказе по войскам Приамурского военного округа от 10 августа 1893 г. за № 159 указывалось, что «вследствие появления сибирской язвы в ур. Новокиевском и инфлюэнции в ур. Атамановском разрешено не привлекать в общие лагерные сборы: ... под Никольском – Приморскую конную сотню...», а 29 августа 1893 г. приказом за № 168 было объявлено, что «вследствие появления сибирской язвы на лошадях и рогатом скоте в окрестностях кар. Хунчунского и ур. Новокиевского и случаев падежа лошадей во 2-ой Приморской конной сотне, она освобождена от общего лагерного сбора при ур. Новокиевском...» [6, л. 359, 396].

Подобные проблемы были актуальны не только для военнослужащих. Поэтому недостаток медицинского персонала в Южно-Уссурийском крае вынуждал администрацию привлекать военных медиков к работе с гражданским населением. Например, «врач Уссурийской первой конной сотни Коллежский ассесор Любарский и старший лекарский ученик Компаниенко были командированы для привития оспы крестьянам, первый по окрестностям поста Камень-Рыболов, а второй по Сучанской долине» [4, л. 30–31].

Боевая подготовка в войсках Приамурского военного округа велась в любое время года. В приказе № 188 от 3 октября 1891 г. генерал-майор Юнаков объявлял: «При ведении зимних занятий предписываю руководствоваться Высочайше утвержденным планом распределения годовых занятий в войсках... Со своей стороны считаю необходимым сделать следующие указания: ... 10. В кавалерийских частях обратить особое внимание на занятие теми отделами, которые способствуют правильной езде, развитию лихости, неустранимости, умению преодолевать препятствия и на искусное владение холодным оружием. ... Занятие с кавалерийскими офицерами проводить согласно приказов Генерал-Инспектора кавалерии..., причем они должны быть также обязательно ознакомлены с действиями остальных родов оружия» [5, ч. I, л. 205–206].

Необходимо отметить, что в обучение кавалерии входила отнюдь не только кавалерийская подготовка. Так, сохранился приказ № 113 от 4 июля 1891 г.: «Обучение в текущем году войсковых сапёр офицеров и нижних чинов – старших войсковых сапёр пехоты, а также *обучение чинов кавалерии*

подрывным работам, порче и восстановлению телеграфных и др. сообщений произвести в период времени с 15 июня по 5 августа. Для чего командировать к 15 июня... б) в крепость Владивосток, в Восточно-Сибирскую сапёрную роту, от 1-й и 2-й Уссурийских сотен» ... от каждой по одному офицеру, унтер-офицеру и трёх рядовых. ... «Офицеров от всех частей назначить из младших, а нижних чинов из окончивших в сём году успешно курс учебных команд. ... По возвращении обучившихся сапёрному делу офицеров и нижних чинов в свои части» было приказано «сформировать сапёрные команды для образования младших войсковых сапёр...» [5, ч. I, л. 137–137 (об.)].

Интенсивная учёба, обязательные летние лагерные сборы, подготовка к ним, сборы «для встречи и представления Его Императорскому Высочеству, Государь Наследнику Цесаревичу» Николаю и т.д. далеко не всегда были безопасны. Так, 11 июля 1891 г. 1-я Приморская конная сотня лишилась своего ветеринарного фельдшера – Егора Збродова, утонувшего при переправе через р. Суйфун [5, ч. II, л. 164].

С началом японо-китайской войны 1894–1895 гг. военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке начала стремительно меняться. 9 августа 1894 г. состоялось Особое совещание, на котором обсуждался вопрос о позиции, которую следовало занять России. По результатам совещания был выработан комплекс мероприятий, включая и «усиление на случай непредвиденных обстоятельств войск в местностях, прилегающих к корейской границе» [26, с. 643–645].

Успехи японских войск и усиливавшиеся опасения царского правительства привели к объявлению 20 апреля 1895 г. мобилизации в Приамурском военном округе. К концу апреля – началу мая привели в боевую готовность войска в Южно-Уссурийском крае, к 29 апреля – Владивостокский гарнизон, а в мае – и Амурскую область. К 5 мая подступы к Владивостокскому порту были заминированы. Кроме того, начальником Главного штаба Н.Н. Обручевым всерьёз рассматривался вопрос о возможности нанесения удара по японским войскам в Маньчжурии [8, л. 51 (об.); 26, с. 701–702]. Эти меры, а также общее недовольство «великих держав» заставили Японию отказаться от части своих требований к Китаю по Симоносекскому мирному договору.

«Японо-китайская война доказала слабость Китая и в то же время определила серьезное военное значение на Дальнем Востоке Японии. Россия вместе с другими державами вынудила Японию покинуть завоеванный ею Квантунский полуостров с Порт-Артуром. Это создавало первый и решительный шаг к тому, чтобы на Дальнем Востоке поставить Японию в ряды наших врагов», – писал позднее А.Н. Куропаткин [23, с. 139]. Теперь основную опасность для Приморской области представляла именно Япония, так как появилась реальная возможность вторжения ее войск в Россию через территорию ослабленного Китая.

Российское правительство вынуждено было учитывать изменение стратегической обстановки в регионе. Начиная с 1895 г. проводятся мероприятия, направленные на общее усиление Приамурского военного округа: Владивостокская крепость «возведена из III во II класс», Восточно-Сибирские стрелковые батальоны переформировывались в двухбатальонные полки,

формировались новые пехотные, крепостные и артиллерийские части, а уже существующие, например, 2-я Восточно-Сибирская артиллерийская бригада, переводились на штаты военного времени; на всей территории округа началось усиленное строительство оборонительных сооружений, казарм и т.д.

В начале 1895 г. Высочайше утвержденным 24 февраля 1895 г. положением Военного совета было определено «1) Свести расположенные в Южно-Уссурийском отделе две конные Приморские сотни в Приморский конный дивизион и засим содержать его по прилагаемому штату. Время сего сведения представить определению Командующего войсками Приамурского военного округа...» В Приморском конном дивизионе должно было служить 12 офицеров, 293 строевых и 26 нестроевых нижних чинов. Строевых лошадей полагалось иметь 10 офицерских и 264 – для нижних чинов, а подъемных – 18 [17, с. 237–243]. Высочайший приказ о формировании Приморского конного дивизиона последовал позднее – 15 марта 1895 г. [20, с. 90].

Согласно «краткому квартирному росписанию войск... к 15 мая 1895 г.» Приморский конный дивизион должен был дислоцироваться в ур. Славянка, где для него строились казармы, но в этот период штаб дивизиона ещё формировался, а сотни только «переходили из мест прежнего квартирования» [7, л. 6]. Организационно Приморский конный дивизион в 1895 г. входил в состав Уссурийской конной бригады, штаб которой находился в с. Никольском, и которая была создана несколькими годами ранее. В фондах РГИА ДВ сохранился приказ № 155 по войскам Приамурского военного округа от 30 июля 1893 г., в котором «объявляется для сведения, что полковник Бернов назначен ВЫСОЧАЙШИМ приказом в 21-й день мая сего года командующим Уссурийской конной бригадой» [6, л. 344]. Вместе с дивизионом в состав бригады входил и 1-й Забайкальский казачий полк (ранее № 1 конный полк Забайкальского казачьего войска), штаб которого также находился в с. Никольском, а сотни были разбросаны на огромной территории Южно-Уссурийского края: 1-я сотня несла службу в ур. Барабаш, 2-я – ур. Анучино, 3-я – кар. Полтавский, 4-я – п. Камень-Рыболов и д. Астраханка, 5-я (ещё только формировавшаяся) – ур. Атамановском.

Однако долго в ур. Славянка дивизион не задержался. Происходившие в округе изменения снова затронули и его: высочайше утверждённым 24 марта 1897 г. положением Военного совета было определено в 1898 г. «...образовать из Приморского конного дивизиона четырёхэскадронный драгунский полк, в 1899 г. добавить пятый, а в 1900 г. шестой эскадроны и, засим, содержать полк по прилагаемому штату».

Штат Приморского драгунского полка составлял по военному (мирному) составу: офицеров – 37(39), классных чинов (врачи, ветеринары и т.д.) – 7(7), конных нижних чинов – 859(859), пеших – 609(149), нестроевых нижних чинов – 192(167). Лошадей: офицерских – 35(33), нижним чином – 965(859), обозных – 184(100). Кроме того, «при полку состоит: отделение запаса полка»: офицеров – 3(3), нижних чинов – 85(85), нестроевых нижних чинов – 9(9), лошадей – 103(103). «Обоз и обозные чины содержатся по нижеследующему расчёту»: командир обоза – 1, нижних чинов – 169(100), двуколок – 158 («в мирное время запрягается столько повозок, сколько это

позволит число обозных лошадей»), лошадей – 184(100) [18, с. 111, 117–127]. 2 мая 1898 г. «дивизион приведен в 4-х эскадронный состав и наименован – Приморский драгунский полк» [20, с. 90].

Драгунский полк был дислоцирован в с. Раздольном – на половине пути между крепостью Владивосток и с. Никольским. Отсюда же шла и дорога в район зал. Посыета и, кроме того, можно было, обойдя с севера полуостров Муравьева-Амурского, быстро выйти к бухте Кангауза (Суходол). Последняя, находясь в непосредственной близости от крепости Владивосток, считалась одной из самых десантоопасных в Южно-Уссурийском крае [10, л. 20].

После приведения в 1899 г. Приморского драгунского полка в 5-ти, а в 1900 г. – в 6-ти эскадронный состав, процесс формирования регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России завершился. До начала Первой мировой войны, когда полк в составе Уссурийской конной бригады был отправлен на фронт, он продолжал оставаться единственной регулярной кавалерийской частью в Приамурском военном округе.

В 1900–1902 гг. он под руководством полковника Познанского в составе 1, 3, 4 и 6 эскадронов участвовал в боевых действиях в Китае, а в 1904–1905 гг. под командованием генерал-майора Воронова воевал с японцами [20, с. 90]. Яркую и подробную характеристику полку дал военный министр А.Н. Куропаткин в своем отчете об инспекционной поездке по Дальнему Востоку в 1903 г., а по итогам двусторонних маневров под г. Никольск-Уссурийском, он «от души поблагодарил начальников и войска, признав их боевую готовность» [27, с. 33–36]. Примечательно, что в 1900 г. лошадей для полка поставлял и конный завод М.И. Янковского, причем лошади показали «в походах в Манчжурию прекрасные качества» [8, л. 24]. В 1914 г. полк в составе Уссурийской конной бригады был отправлен на поля Первой мировой.

Отличительной чертой процесса формирования регулярной кавалерии на Дальнем Востоке было использование личного состава других родов оружия для формирования кавалерийских частей, например, Уссурийской казачьей конной сотни, которая формировалась из казаков и солдат Восточно-Сибирских линейных батальонов. В целом же, процесс постепенного перевода казачьих частей на регулярную основу, завершившийся созданием драгунского полка, стал неординарным явлением в российской военной истории.

Еще одной особенностью этого процесса было то, что он в большей степени зависел от изменения военно-стратегической ситуации в регионе, чем от общих тенденций преобразования российской армии во второй половине XIX – начале XX в. Это обуславливалось как спецификой территории (удаленность от центра, слабая заселенность и неразвитая инфраструктура), так и периодическими осложнениями отношений с Китаем и Англией, грозившими перерасти в военный конфликт. Другим важным фактором оказались банды хунхузов, регулярно проникавшие с китайской территории. Борьба с ними также требовала постоянного участия войск. Таким образом, регулярная кавалерия вносила неоценимый вклад в охрану дальневосточных рубежей Российской империи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 1.
2. Там же. Д. 57.
3. Там же. Д. 58.
4. Там же. Д. 90.
5. Там же. Д. 147, ч. I–II.
6. Там же. Д. 185.
7. Там же. Д. 206.
8. Там же. Д. 352.
9. Там же. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 1.
10. Там же. Д. 4.
11. Авилов Р.С. Роль регулярных войск в занятии территории Приамурья и Приморья (1850-е гг. – 1884 г.) // Известия РГИА ДВ: Сб. науч. тр. Т. 10. Владивосток, 2007. С. 196–208.
12. Васильев А.П. Забайкальские казаки: Ист. очерк. Том 3 прил. Чита: Тип. войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1918. 348 с.
13. Дальний Восток России в материалах законодательства 1856 – 1861 гг. Владивосток: РГИА ДВ, «Информ.-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2002. 236 с.
14. Там же. 1862 – 1870 гг. Владивосток, 2004. 224 с.
15. Там же. 1871 – 1880 гг. Владивосток, 2004. 404 с.
16. Там же. 1881 – 1889 гг. Владивосток, 2005. 260 с.
17. Там же. 1890 – 1895 гг. Владивосток, 2006. 320 с.
18. Там же. 1896 – 1899 гг. Владивосток, 2007. 344 с.
19. Из истории сел Посьетского района: док. и материалы. Владивосток: РГИА ДВ, Информ.-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2004. 104 с.
20. Кавалерия (кроме гвардейских и казачьих частей). Изд. 3-е. По 1-е июля 1914 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1914. 518 с.
21. Казачьи войска: Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. По 1-е апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. СПб., 1912. 462 с.
22. Краткое описание Дальнего Востока и прилегающих к нему областей Сев. Маньчжурии и Сев. Кореи: Воен.-геогр. и стат. обзоры в 3-х отделах. Хабаровск, 1912. 350 с.
23. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Итоги войны. СПб.: ООО «Изд-во «Полигон», 2003. 525 с.
24. Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. СПб., 1902. 267 с.
25. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. Владивосток: Тип. Н.П. Матвеева, 1910. 192 с.
26. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Наука, 1956. 898 с.
27. Отчет Военного Министра по поездке на Дальний Восток в 1903 г. Ч. 1. Осмотры войск, военных учреждений и заведений. СПб., 1903. 154 с.
28. Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка, 1891. 153 с.
29. Унтербергер П. Ф. Очерк Приморской области 1856–1898 гг. СПб., 1900. 324 с.

Roman S. Avilov

**The history of creating the regular cavalry on the Far East of Russia
(1869 – 1903)**

Army takes a great participation in colonization the Far East of Russia. After the Manza War 1868, the Russian Army required a mobile cavalry on the Far East. On March 24, 1869 there was created Ussuriskaya Cossack Horse Sotnia. On October 23, 1880 there was created the 2-nd Ussuriskaya Cossack Horse Sotnia. On January 6, 1881 the both sotnias were renamed to the 1-st and 2-nd Primorsky Horse Sotnias. These units were the first regular cavalry units on the Far East of Russia. After the Sino-Japanese War 1894-1895 the Russians began the reinforcement of troops on the Far East. On February 24, 1895 the 1-st and 2-nd Primorsky Horse Sotnias were united to the Primorsky Horse Division. In 1898 it was reorganized to the Primorsky Dragoon Regiment. It was a final act of the process of creating the regular cavalry on the Far East of Russia.

**Известия Восточного института
Дальневосточного государственного университета.
Владивосток, 2008. № 15.**